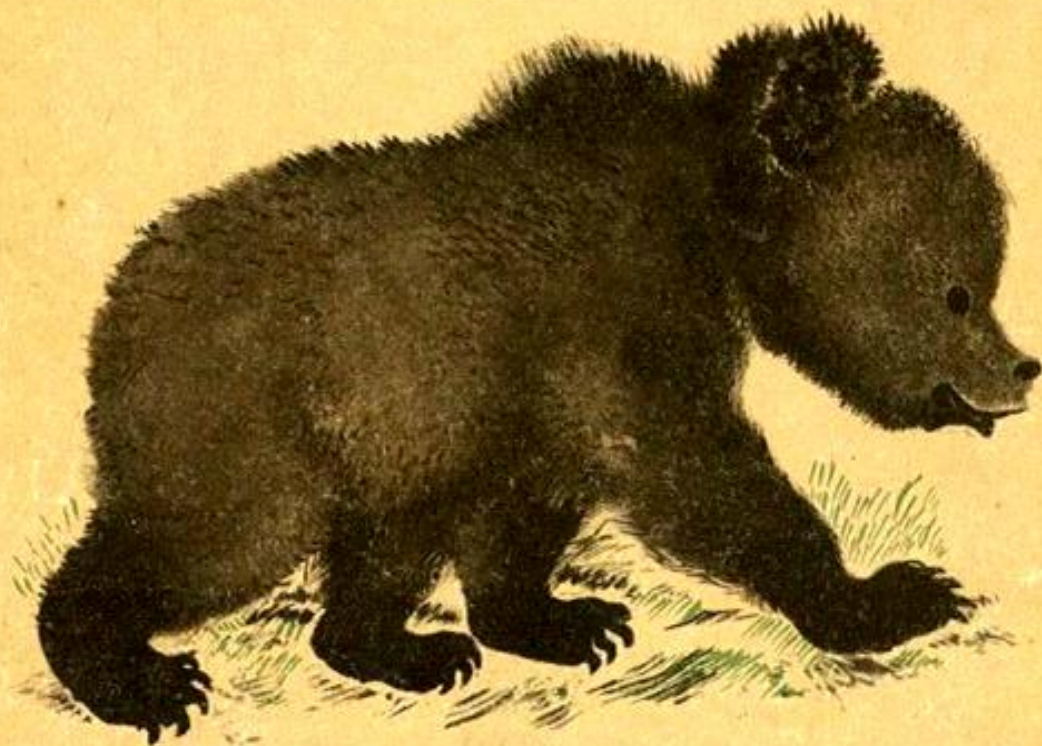

А
С 47
1/5

Н. СЛАДКОВ

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

ДЕТГИЗ · 1954

Н. СЛАДКОВ

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

РИСУНКИ Е. ЧАРУШИНА

1940
**ДЕТСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА**
 № 31
 Ленинского района
 г. МОСКВА

ЧИТАЛЬНЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
 МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
 МОСКВА 1954 ЛЕНИНГРАД

30899.

✓ 56
 К 59

НЕСЛУХ

Медведицы — строгие матери. А медвежата — неслухи. Пока ещё сосут — сами сзади бегают, в ногах путаются. А подрастут — беда!

Медведицы любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопенье, когда кругом столько заманчивых шорохов, писков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредут...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голодный, а сухарь был жёсткий — потому трудился я над ним очень долго. Так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайничков.

Вот вылезли на пень два зверька полчка. В камнях запищали мыши — видно, подрались. И вдруг на полянку выскочил медвежонок.

Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенёк, взбрыкнул курдючком — и боком с подскоком прямо к нему. Полчки — в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться.

Обошёл мишка пенёк слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет. Влез на пенёк, поцарапал пенёк лапой. Пенёк как пенёк.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

Слез мишка с пня и потрусил дальше.

На пути — камень. Повеселел мишка: дело знакомое! Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Подался камень, пискнули под ним испуганные мышенята.

Бросил мишка камень да обеими лапами под него. Поторопился: камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал её, да и похрамал дальше.

Плетётся, по сторонам больше не глазееет: под ноги смотрит.

И видит — гриб.

Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит: гриб, можно съесть. А носом чует: плохой гриб, нельзя есть! А есть хочется...

Рассердился мишка да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая, прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг — плюх! Лягушка!

Мишка правой лапой — лягушка влево.

Мишка левой лапой — лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть лягушку с аппетитом — первую свою добычу. А ему, дурачку, только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его подмышками щекочат.

То подкинет лягушку, то из лапы в лапу перекинет. Играл, играл, да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдёт.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу. Да вдруг получил такую затрещину, что разом сунулся носом в землю.

Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул — и опять покатился в траву от оплеухи.

Видит, плохо дело! Вскочил — и бегом в кусты. Медведица за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от мамашиних затрещин.

„Ишь, как уму да осторожности его учит!“ — подумал я. Убежали медведи, так меня и не заметили. А впрочем, кто их знает.

Кругом лес. Густой. Тёмный. В лесу шорохи. Лучше уйти поскорей: ружья-то у меня нету.

МЕДВЕЖЬЯ ГОРКА

На охоте видишь зверя через прицел ружья. И потому всегда видишь его разъярённым или в страхе.

Увидеть зверя непуганым, за его домашними делами — редкая удача.

А мне пришлось.

Охотился я в горах на горных индеек — уларов. До полдня пролазил зря. Улары — самые чуткие птицы гор. И лазить за ними приходится по кручам, у самых ледников.

Устал. Присел отдохнуть.

Тишина — в ушах звенит. Жужжат на припёке мухи. Кругом горы, горы и горы. Вершины их, как острова, поднялись из моря облаков.

Местами облачная пелена отодвинулась от склонов, и в просвет видна тёмная подоблачная глубина. Проскользнул в просвет солнечный луч — по подоблачным лесам заколы-

хались подводные тени и блики. Попадёт в солнечный луч птица — сверкнёт, как золотая рыба.

Разомлел я на припёке. И заснул. Спал долго. Проснулся — солнце уже вечернее, с золотым ободком. От скал протянулись вниз узкие чёрные тени.

Ещё тише стало в горах.

Вдруг слышу — рядом, за бугром, будто бык вполголоса: „Мууу! Мууу!“ И когтями по камням — шарк, шарк! Вот так бык! С когтями...

Выглядываю осторожно — на уступе ската медведица и два медвежонка.

Медведица только проснулась. Закинула башку вверх, зевает. Зевает и лапой брюхо чешет. А брюхо толстое, мохнатое.

Медвежата тоже проснулись. Смешные: губастые, голо-
вастые. Сонными глазами луп-луп, с лапы на лапу пере-
минаются, плюшевыми башками покачивают.

Поморгали глазами, покачали башками — и схватились бороться. Лениво спросонок борются. Нехотя. Потом разо-
злись и сцепились всерьёз.

Кряхтят. Упираются. Ворчат.

А медведица всей пятернёй то по брюху, то по бокам: блохи кусают...

Послюнил я палец, поднял — ветер на меня тянет. Пере-
хватил ружье половчее. Смотрю.

От уступа, на котором были медведи, до другого уступа, пониже, лежал ещё плотный нестаявший снег.

Дотолкались медвежата до края, да вдруг и скатились по снегу на нижний уступ.

Медведица перестала брюхо чесать, перегнулась через край, смотрит.

Потом позвала тихо: „Рррмууу!“

Покарабкались медвежата наверх. Да на полгорке не утерпели и схватились опять бороться. Схватились — и опять покатались вниз.

Понравилось им. Выкарабкается один, ляжет на пузечко,

подтянется к краю, раз—и вниз. За ним—второй. На боку, на спине, через голову. Визжат: и сладко, и страшно.

Я и про ружьё забыл. Кому же придёт в голову стрелять в этих неслухов, что штаны себе на горке протирают!

Медвежата наловчились: схватятся—и катятся вниз вдвоём.

А медведица опять раздремалась.

Долго смотрел я на медвежью игру. Потом вылез из-за камня.

Увидели меня медвежата—притихли, во все глаза глядят.

А тут и медведица меня заметила. Вскочила, фыркнула, вскинулась на дыбы.

Я за ружьё. Глаза в глаза смотрим.

Губа у неё отвисла, и два клыка торчат. Клыки мокрые и от травы зелёные.

Вскинул я ружьё к плечу.

Медведица схватилась обеими лапами за башку, рявкнула—да вниз с горки, да через голову.

Медвежата за ней — снег вихрем. Я ружьём вслед машу,
кричу:

— А-а, растяпа, будешь спать!

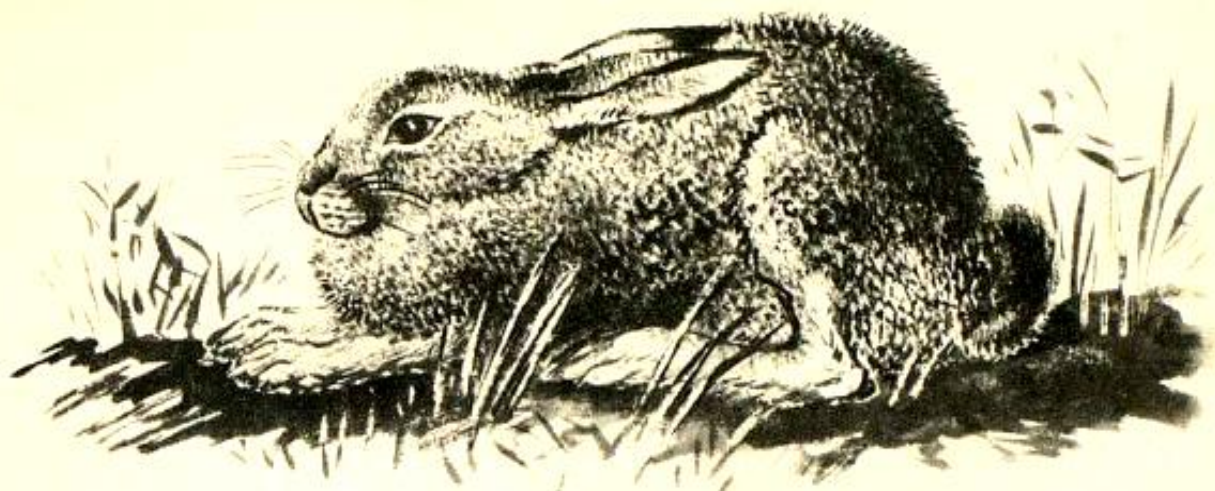
Бежит медведица по скату так, что задние лапы за уши
забрасывает. Медвежата сзади бегут, курдючками толстыми
трясут, оглядываются. И холки горбиком, как у мальчишек-
озорников, которых матери закутают зимой в платки, концы
подмышки и на спине узел горбиком.

Убежали медведи.

„Эх, — думаю, — была не была!“

Сел я на снег и — раз! — вниз по накатанной медвежьей
горке. Оглянулся — не видал ли кто? И, весёлый, пошёл
к палатке.

ХИТРУЩИЙ ЗАЙЧИШКА

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и то сказать: не будь он так хитёр, давно бы попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы. Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орёл — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догонял зайчишку — и проловил. Вцепился когтями в длинные заячьи уши. Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей — и шмыг под камни.

Эти камни на склоне лежали грядой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить -- поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнёт светать — заяц поскачет, след свой запетляет, запутает, махнёт с него в сторону и ляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом открытом, без-

лесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрущий зайчишка.

А почему уцелел? Потому что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней. Нырк! — и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им — таким здоровым-то! — подлезть под камни. В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступить.

Пробовала ловить его и страшная рысь — большая пятнистая кошка с маленькой головой и длинным, гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями совала свой чутыстый нос. Всюду под камнями вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть камни, ни проскользнуть между ними она не могла.

На беду заячью, жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы-то — самые хитрые звери и зайцев ловить — великие мастера.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно.

А весной, как стаял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Они в эту пору года дружно живут, детей выводят. Ну, и конечно: взялись за него вдвоём.

Зайчишка лежал на склоне — пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: грозит ли откуда опасность?

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил... Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг, скок — и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждёт.

Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, — он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут-то лис его и хотел схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою нору под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Для них хороша была эта хитрость, а вот для лисиц — не очень-то!

Лис только ещё начал подкрадываться к зайчишке, а лиска уже со всех ног бежала к другому концу каменной гряды. Прибежала и стоит у выхода из норы, караулит.

Зайчишке с его умишком где же про такое догадаться! Он и выскочил из норы — прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась: не успела она язык убрать, зайчишка верть — налево кругом и нырк! — назад в нору.

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поделаешь: сама виновата. Остаётся теперь обоим охотникам — лису и лис-

30899

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 31
Ленинского района
г. МОСКВА

ке — спрятаться и терпеливо дожидаться, когда зайчишка с той или другой стороны каменной гряды выскочит. Правильную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис — у входа, лиска — у выхода, ждут.

А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями посередине гряды. Поглядел в одну сторону — там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую сторону — там лиска за кустом сидит, караулит.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гряды длинные заячьи уши с чёрным пятнышком на конце, крутнёт ими заяц в одну сторону, крутнёт в другую — и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зайчишки между камнями трава растёт. Закусывает он ею. Его и измором не возьмёшь.

И ушли лисицы восвояси.

Вот до чего хитрущий зайчишка: двух лисиц провёл и цел остался!

ЛЕСНЫЕ ТАЙНИЧКИ

Лес густой, зелёный и полон шорохов, писков, песен. Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покатилась от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок.

Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову.

Целые ночи она как заведённая кричит своё: „Сплю! Сплю! Сплю!“, будто лесные часы тикают: „Тик-так! Тик-так!..“

К рассвету станут лесные часы — сплюшка смолкает и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу и не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал! А вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пенёк. Сажу. Молчу.

И вот, глядь, откуда ни возьмись, — змейка. Серая. Плоская головка на тонкой шее, как почка на стебельке. Выползла откуда-то и глядит мне в глаза, будто чего ждёт от меня.

Змейка — она пролаза, должна всё знать.

Я ей говорю, как в сказке:

— Змейка, змейка, поведай мне, где спряталась сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком да юрк в траву.

И вдруг, как в сказке, открылись передо мной лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка, показалась ещё раз у другого пня и вильнула под его обомшелые корни. Нырнула, а из-под корней выбежала большая зелёная ящерица с синей головой, точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошуршала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку!

В норке другой тайничок. Хозяйкой там — тупоморденькая мышка-полёвка.

Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из отнорка — из темноты на свет, заметалась-заметалась — и шась под лежащую колодину.

Поднялся под колодиной писк, возня. Там тоже оказался тайничок. Целый день спали в нём два зверька — сони-полчки.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошалели от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцокали,

да вдруг опять им страшно стало — ещё выше по стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели юркнуть в него, да сшиблись у входа лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу — да так вместе и провалились в дупло.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чортик. Ушки на макушке — что рожки. Глаза круглые, жёлтые. Сел на сучок спиной ко мне, а голову так завернул, что смотрит на меня в упор.

Конечно, не чортик это, а сплюшка — ночные часы!

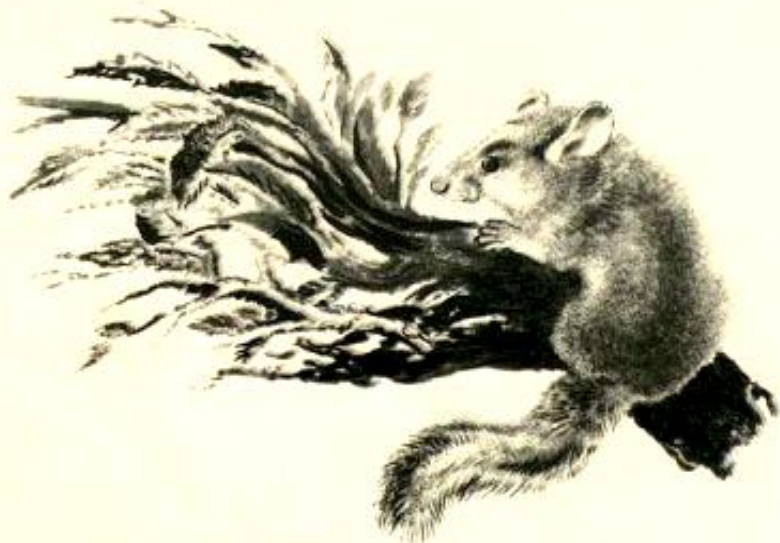
Я моргнуть не успел, он — раз! — и в листву.

И там завозилось, запищало: тоже, значит, кто-то таился.

Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к щели шарахается со страха лесная мелюзга, открывая мне свои ухороночки — тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от камня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за кусток, на сучок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услышать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись.

СОДЕРЖАНИЕ

Неслух	3
Медвежья горка	8
Хитрущий зайчишка	13
Лесные тайнички	19

30899

**ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**
№ 31
Ленинского района
г. МОСКВА

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Г. Карпенко. Художественный редактор С. Алянский.
Технический редактор М. Суховцева.
Корректоры Е. Балабан и Е. Трушкова.
Подписано к печати 22/1 1954 г. Формат 60 × 92¹/₂. — 1,5 бум. — 3 печ. л. (2,26 уч.-изд. л.).
Тираж 200 000 экз. А 01162. Заказ № 414.

2-я Фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.

Цена 1 руб.

№ 70 к.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя